

В день похорон небо затянуло тучами, моросил бесконечный дождь.

Люди с черными зонтами выстроились перед надгробием и одновременно поклонились.

С тех пор как Фан Ло отправили на воспитание в деревню, он не видел родителей больше десяти лет.

Мать Фан, глядя на стройного, статного младшего сына, испытывала противоречивые чувства. Но в них преобладали тревога и отчуждение.

Она подошла к нему и спросила:

— Бабушка скончалась. Какие у тебя планы на будущее?

Спрашивать человека, который только что стал совершеннолетним, о планах на будущее... Она спешит откrestиться от него или выведывает, не собирается ли он вернуться в Цзянчжоу?

Фан Ло посмотрел на улыбающееся лицо бабушки на фотографии и ответил:

— Я возвращаюсь в Цзянчжоу.

— Я не давал согласия, — раздался низкий, властный голос отца. — В свое время я поставил условие: вернешься в Цзянчжоу только после того, как признаешь свою вину.

Фан Ло спокойно произнес:

— Хорошо, тогда я признаю свою вину прямо сейчас.

Мужчина замолчал.

Он не ожидал, что Фан Ло так быстро пойдет на попятную, и это вызвало лишь раздражение.

Стоявшая рядом мать Фан, видя такое дело, нерешительно произнесла:

— Сяо Ло, бабушка умерла, в деревне еще столько дел, которые нужно уладить... Думаю, с возвращением в Цзянчжоу стоит...

Фан Ло склонил голову набок:

— Разве эти дела не должны улаживать вы двое? Один — её сын, другая — невестка. Вы оба имеете на это куда больше прав, чем я.

Оба замолчали.

— Что это за тон! — раздражение отца наконец вырвалось наружу. — Мы с тобой по-хорошему разговариваем, а ты что за язвительные колкости отпускаешь?!

Фан Ло удивился:

— Я говорю правду. Если это звучит язвительно — значит, так оно и есть. Хотите, спросите у других: у кого из них, когда умирает бабушка, спрашивают не о том, как быть её детям, а о том, что делать внуку? О, есть одно исключение — если у бабушки все дети уже на том свете.

Отец Фан указал на него пальцем:

— Повтори, что ты сказал!

Люди, пришедшие на похороны, слышали шум и стали оглядываться на них троих.

Фан Ло усмехнулся:

— Если вам не стыдно, можете орать во весь голос. Мы можем позвать их, пусть они нас рассудят.

Отец Фан вспыхнул:

— Что еще за суд! Это семейное дело, с какой стати ты хочешь выносить сор из избы?

Мать Фан смущенно дернула мужа за рукав:

— Хватит, перестань. Все же смотрят.

Отец Фан был человеком, который превыше всего ценил репутацию. На людях он всегда держал лицо, но перед Фан Ло сбрасывал всякую маску. Он поправил пиджак и отрезал:

— В любом случае, я не даю согласия на твой переезд в Цзянчжоу. Ты думаешь, Цзянчжоу — это место, куда можно вернуться, просто пожелав того? К тому же, я считаю, что твое признание вины сейчас совершенно неискренне.

Мать Фан подхватила:

— Верно, Сяо Ло. Мы можем купить тебе квартиру в ближайшем уездном городе. Ты ведь прожил здесь больше десяти лет, давно привык. Если ты вдруг вернешься в Цзянчжоу, тебе там будет неуютно.

Неужели это и есть слова родных родителей? Кто не знает, тот подумает, будто Фан Ло им не сын, а какое-то чудовище, от которого они стремятся держаться подальше.

— Ладно, оставим это, — Фан Ло внезапно повысил голос. — Сегодня я хочу спросить: почему старший внук бабушки, Фан Чжи, не пришел на её похороны?

Как только он это произнес, люди снова уставились на них.

Отец Фан зашипел:

— Что ты орешь! У твоего брата слабое здоровье, дорога сюда дальняя, зачем мне заставлять его так изматываться?!

Мать Фан добавила:

— Твой брат хотел приехать, но ты же знаешь, Сяо Ло, он с детства болезненный. Здесь деревня, сырость, как мы могли позволить ему приехать?

— Значит, в такую глушь, как деревня, он приехать не может, а я могу. Я правильно вас понял?
— холодно спросил Фан Ло.

Мать Фан растерялась:

— Мама не это имела в виду...

Фан Ло посмотрел на неё:

— А что ты имела в виду?

Она промолчала. Отец Фан заслонил жену собой:

— Ты сам не помнишь, за что мы отправили тебя в деревню?! Если бы ты тогда не столкнул брата с лестницы, разве я отправил бы тебя в эту дыру?! Я, Фан Готао, в страшном сне не мог представить, что мой младший сын захочет убить родного брата!

В тот день, когда первородному исполнилось шесть лет, Фан Чжию слег с температурой, и супруги Фан поспешили отвезти любимого старшего сына в больницу. Домой они вернулись только на следующий день. Никто даже не вспомнил, что накануне был день рождения их младшего сына.

С самого рождения Фан Чжию был любимчиком. А Фан Ло всегда приходилось уступать. Мать говорила: Брат слаб здоровьем, уступи ему. Отец вторил: Брат часто болеет, во всем ставь его интересы выше своих.

Но родители забыли, что Фан Ло тоже был всего лишь ребенком. То, что они забыли про его день рождения, стало последней каплей, и накопленная обида вырвалась наружу.

Когда Фан Чжию выписали, он попросил у брата прощения. Фан Ло смотрел на него широко открытыми глазами:

— Ты знал... что у меня был день рождения?

Брат улыбнулся:

— Да, знал. Это я заболел и помешал тебе отпраздновать, прости, братишка.

Фан Ло молчал, закусив губу.

Брат продолжил:

— Это всего лишь день рождения, не стоит так расстраиваться. Я попрошу папу и маму устроить тебе праздник заново.

Всегда одно и то же! Он всегда должен жертвовать собой, чтобы угодить Фан Чжию! Почему? Почему именно он должен вечно терпеть обиды?

Фан Ло крикнул:

— Не лезь не в свое дело!

Видя, что Фан Ло не оценил его доброты, избалованный брат тоже разозлился:

— Я же извинился, чего ты еще хочешь!

Они начали ссориться, перешли на крик, а потом и на драку. Когда Фан Ло пришел в себя, Фан Чжию уже катился по лестнице вниз. Эту сцену как раз застали родители. Они посмотрели на

младшего сына с таким разочарованием, что вскоре его насильно отправили в деревню.

Даже под зонтом капли дождя попадали на лицо. Фан Ло спросил:

— Вы своими глазами видели, как я его толкнул?

Отец Фан нахмурился:

— Что?

Фан Ло продолжил:

— Тогда не было камер, не было свидетелей, вы сами не видели, как я протянул руку. Но только потому, что он сказал, будто это сделал я, вы решили, что я виновен. А на самом деле он просто оступился!

Мать Фан с недоверием посмотрела на него и дрожащим голосом произнесла:

— Сяо Ло, даже сейчас ты не хочешь признать свою вину?

Фан Ло удивился:

— Зачем признавать то, чего я не делал? Это вы с детства души в нем не чаяли и верили всему, что он скажет. Как безмозглые амебы, просто невыносимо.

Отец Фан взревел:

— Попробуй только еще раз возразить! Думаешь, я не...

Фан Ло вскинул подбородок:

— Что, при бабушке хотите дать мне пощечину или сразу в полицию сдать?

Отец Фан замолчал. Фан Ло посмотрел на них, не желая продолжать этот фарс, и отрезал:

— Я возвращаюсь в Цзянчжоу. Это не просьба, а уведомление. Если вы не согласны — что ж. Завтра же новость о том, как семья Фан двенадцать лет назад бросила своего младшего сына, появится на заголовках всех газет Цзянчжоу. Вы ведь так дорожите репутацией, вряд ли захотите позориться перед знакомыми?

Отец Фан вытаращил глаза:

— Ты мне угрожаешь?

— Да, я вам угрожаю, — ответил Фан Ло. — Даю вам три секунды на раздумья. Три... два... один. Отлично, никто не возражает, значит, решили.

Фан Ло одарил их невинной улыбкой.

Мать Фан ошарашенно смотрела на сына, невольно думая: это чудовище, чудовище, которое родила она сама.

Когда она осознала, что именно подумала, эти слова уже сорвались с её губ.

Фан Ло пристально посмотрел на неё и улыбнулся:

— Верно. Я чудовище. Чудовище, которое вы сами и породили.

<http://bllate.org/book/21789/2253813>